

**РАЗДЕЛ II. КОМПЛЕКСНОЕ ПОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОГО
ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА**

**SECTION II. COMPLEX COGNITION OF THE MODERN
PERSON AND SOCIETY**

**СЕМЕЙНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЖЕНЩИН, ПЕРЕЖИВШИХ СИТУАЦИЮ
ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ**

DOI: 10.25629/НС.2020.08.03

Даренских С.С., Гурова О.С., Ипполитова Е.А.

Алтайский государственный университет

Барнаул, Россия

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 17-36-00023-ОГН «Жизненные перспективы человека в изменяющемся мире»

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена семейных перспектив женщин, переживших домашнее насилие, в единстве ценностно-смыслового, эмоционально-оценочного и когнитивного измерений. Представлены данные эмпирического исследования, в котором приняли участие 44 женщины в возрасте 20-40 лет. По результатам проведенного опроса установлено, что для 18 из них характерно искаженное представление о домашнем насилии, недооценка его последствий, тем не менее, отразившихся на характере проектирования будущего в сфере семьи. Так, особенности ценностно-смыслового основания семейных перспектив проявляются в том, что ситуация домашнего насилия способствует меньшей ориентированности женщин на достижение в отношениях с партнером уважения, доверия, взаимопонимания, любви. Специфика эмоционально-оценочного измерения семейных перспектив демонстрируется в противоречивом восприятии собственного семейного будущего одновременно как полного надежд и тревоги. Когнитивное измерение характеризуется сокращением глубины, осмысленности и целевой насыщенности перспективы в сфере семьи, появлением неадекватной оценки условий достижения желаемого семейного счастья, веры в случай, высшие силы. В целом полученные результаты демонстрируют необходимость психологической помощи пострадавшим от семейного насилия женщинам, направленную на создание условий по оптимизации планирования будущего в семейной сфере.

Ключевые слова: семейные перспективы, насилие, домашнее насилие, женщины, пережившие домашнее насилие.

Введение

Обращение к проблеме планирования персонального будущего в семейной сфере обусловлено, прежде всего, широкой распространенностью домашнего насилия в современном обществе. Сухие цифры, свидетельствующие о смертельных исходах в результате локальных домашних драм, напоминают сводки с поля боя. В России около 30-40% всех убийств и тяжких преступлений происходит в кругу семьи. У российской женщины вероятность быть убитой своим партнером или мужем в 2,5 раза чаще у женщин других развитых стран. По статистическим данным в 90-95% случаев домашнего насилия направлено против женщины [11].

Травматический опыт, который получают женщины, приводит как к медицинским проблемам, так и к серьезным психологическим последствиям. Пострадавшие от домашнего насилия накапливают изменения в эмоциональной, когнитивной, личностной, поведенческой сферах. Чаще всего это изменение самооценки, нарастание чувства вины, вера в большинство мифов о насилии, мысли о безвыходности ситуации, появление стойкого чувства одиночества, проходящий страх, замкнутость, самоагрессия, появление психосоматических заболеваний и многое другое. Последствия пережитого насилия могут проявляться как после первого акта насилия, так и спустя значительное время. Последствия пережитого насилия приводят к снижению качества (стрессы, тяжелые депрессии, самоизоляция от общества) и даже к сокращению жизни женщины (суицидальные попытки). [1,2,5,7, 10, 11].

Таким образом, женщины, пережившие ситуацию домашнего насилия, сталкиваются с трудной жизненной ситуацией и ограничением возможных ресурсов ее преодоления, что заставляет их обращаться к событиям будущего в поисках «психологического» выхода из сложившейся ситуации. Трансформировавшиеся, под влиянием насилия, представления о собственной жизни, связанные с ролью жены, приводят к пониманию того, что семейные замыслы потеряли свою актуальность. Появляется необходимость планирования жизненной перспективы в семейной сфере с ориентацией на сложившиеся обстоятельства. Следовательно, в ситуации домашнего насилия актуальность приобретает исследование представлений женщины о будущей семейной жизни.

Краткий обзор литературы

На современном этапе развития психологического знания проблематика планирования семейного будущего или семейных перспектив выступает актуальной областью исследования обобщенных представлений человека о будущем, конкретизирующихся в аспекте изучения возможных направлений его самореализации в семье. Опираясь на научные взгляды К.А. Абульхановой-Славской, Е.И. Головахи, А.А. Кроника, Ж. Нюттена и других авторов, семейные перспективы можно определить как взаимосвязанную совокупность перспективных линий развития, возникающих в пространстве локальных жизненных событий и обуславливающих облик будущего в границах жизненной сферы семьи и семейных отношений [14,15,17]. Семейные перспективы включают цели, связанные самореализацией в семье, например, встречу и выбор брачного партнера, женитьбу, рождение детей, события в сфере развития супружеских отношений и выполнения родительских обязательств, семейный отдых и досуг и так далее.

Авторский подход к изучению семейных перспектив реализуется посредством их исследования как системного образования, основными анализируемыми измерениями которого являются: ценностно-смысловое, эмоционально-оценочное, когнитивное. Система ценностных ориентаций, которые лежат во главе конструирования планов на будущую семейную жизнь раскрывает содержание ценностно-смыслового измерения. Содержание эмоциональной наполненности представлений о семейном будущем характеризует эмоционально-оценочное измерение семейных перспектив. События, планируемые в сфере семьи говорят о когнитивной наполненности семейных перспектив [16].

Феномен семейных перспектив является относительно изученным в психологической науке, выявлены особенности их проектирования людьми, переживающими различные трудные жизненные ситуации (воспитание в неполной родительской семье, развод, рождение ребенка ребенка-инвалида, супружеская измена и др.) [3]. Вместе с тем, в условиях кризиса семьи, повсеместного распространения домашнего насилия, особый интерес приобретает исследование семейных перспектив пострадавших женщин.

В современной психологической науке проблема домашнего насилия занимает особое место. Существует ряд зарубежных научных точек зрения на принцип возникновения домашнего насилия:

1. Социологическая точка зрения заключается в том, что истоки возникновения насилия находятся в социальной структуре и комплексе ценностей, обычаев, традиций, привычек и верований, которые относятся к гендерному неравенству, поддерживаемому обществом.

2. Социально-психологическая точка зрения включает в себя три концепции этиологии домашнего насилия:

а) теория социального научения (А. Бандура, П. Даттон, О. Лири) – насилие в форме приобретенной реакции передается в рамках родительской семьи взрослой паре как метод разрешения конфликтов, привычное средство удержания власти и контроля в личных отношениях;

б) теория привязанности (Р. Боулби, Л. Корво, В. Де Лозье) – фокус внимания на аффективной поддержке акта насилия, привязывает внутренние рабочие модели межпоколенной трансмиссии к плохому обращению с ребенком, оказывает влияние на образование паттернов взаимоотношений привязанности, которые он выбирает на протяжении всей жизни;

в) теория систем (Рассел, Нейдинг, Эрчак) – не отделяет жертву от агрессора, рассматривая их как части транзакционного паттерна, а не как личностные характеристики отдельных индивидов [12].

Ю.П. Платонов, Н.М. Платонова говорят о том, что насилие и само насилие и угрозы его совершения наносят физический, половой или психологический вред [6]. Авторы указывают, что спектр проявлений домашнего насилия невероятно широк: оскорбления и унижение женщины, запрет на общение с родными и близкими людьми побои, угрозы побоев, занятие сексом против ее воли и т.д. В результате женщина в семье чувствует себя беспомощной, никому не нужной, боится своего партнера, чувствует себя одинокой, во всем винит только себя, живет, только подчиняясь чувству долга, страдает от заниженной самооценки

И.Г. Малкина-Пых говорит о домашнем насилии, как о комплексном феномене. Это разные формы насилия: физическое, психологическое, сексуальное, экономическое, которые разворачиваются в рамках определенного цикла, который со временем становится более интенсивным и частым. Центральной целью насилия является контроль и власть над близким человеком [4].

Чаще всего о насилии говорят, когда случаи грубого и жестокого обращения становятся регулярными и постоянно повторяющимися. При всем разнообразии видов насилия, именно семейное насилие характеризуется тем, что приобретает всеобщий, генерализованный характер, затрагивает систему жизненных перспектив женщины в целом, заставляя кардинально перестраивать представления о семейном будущем, в частности.

В связи с описанной актуальной проблематикой нами было проведено эмпирическое исследование, **целью** которого был анализ содержания семейных перспектив женщин, переживших ситуацию домашнего насилия.

Гипотеза исследования содержит предположение о наличии специфики ценностно-смыслового, эмоционально-оценочного и когнитивного содержания семейных перспектив женщин, переживших насилие.

Организация и методы исследования

В качестве респондентов выступили 44 женщины, среди которых 18 женщин, переживших ситуацию домашнего насилия, и 26 женщин, проживающие в семьях без домашнего насилия. Возраст респондентов - от 20 до 40 лет. Выборку составили женщины, обратившиеся за помощью в КГБУСО «Краевой Кризисный центр для Женщин» г. Барнаула.

Сбор эмпирических данных осуществлялся посредством применения анкетного опроса «Представление женщин о семейном насилии» Т.Ю. Забелина, Ю.А. Антонова, модифицированной методики Е.Б. Фанталовой «Соотношение “ценности” и “доступности” различных жизненных сфер», модифицированного варианта методики «Семантический дифференциал времени» О.П. Кузнецова, модифицированного варианта психотехнического инструмента жизненного выбора А.Г. Шмелева «Персоплан», метода мотивационной индукции Ж. Ньютона. Методы математической статистики представлены процедурами расчета критерия различия средних для независимых выборок (непараметрического U-критерия Манна-Уитни) и факторного анализа, выполненных с помощью пакета компьютерных программ «SPSS» 22.0.

Результаты и их обсуждение

С помощью анкеты-опросника «Представления женщин о семейном насилии» Т.Ю. Забелина, Ю.А. Антонова, группа респондентов была разделена на эмпирическую (женщины, подвергавшиеся насилию) и контрольную (женщины, не подвергавшиеся насилию). Кроме того, анкета позволила выявить особенности представлений о домашнем насилии в эмпирической и контрольной группах.

Выявлено, что в эмпирической группе более терпимое отношение к насилию. На вопрос: «Какие из перечисленных ниже действий лично с Вами?» респонденты эмпирической группы ответили:

1. Избиение, побои, толкание, щипки, таскание за волосы происходили 70,5% женщин.
2. Брань, ругательства пережили 100%.
3. Принуждение к принятию алкоголя 11,7%.
4. Принуждение к принятию наркотиков 0%.
5. Угрозам и запугиванию подверглись 76,4% женщин.
6. Запрет встречаться с родными, друзьями / препятствия в общении с ними пережили – 47,0%.
7. Отказ в деньгах для приобретения жизненно важных вещей (например, еды, необходимой одежды, обуви, предметов гигиены и санитарии) – 23,5%
8. Изнасилование, сексуальные надругательства – 11,7%.
9. Запрет на работу / учебу пережили 47% эмпирической группы.
10. Непристойные шутки, замечания – 64,7%.
11. Вмешательства в личную жизнь, ревность – 58,8% группы.

На вопрос «Считаете ли вы себя жертвой насилия?» женщины эмпирической группы ответили «Да» в 23,5% случаев, «Скорее да, чем нет» в 35,2%, «Нет» в 17,6% случаев, и «Скорее нет, чем да» в 23,5%.

В свою очередь, на такой же вопрос 100% женщин контрольной группы ответили – «Нет».

Результаты анализа ответов респондентов показали, что представления о домашнем насилии отличаются в эмпирической и контрольной группах. Можно говорить о том, что в эмпирической группе наблюдается искаженное представление о нормальной семейной жизни и месте насилия в ней. Имеет место недооценка последствий насилия, не соответствия переживаемых событий (избиение, запреты, ругань и т.д.) и субъективная оценка места насилия в их собственной семейной жизни. В контрольной группе более адекватное представление о насилии, его виновниках и последствиях, несмотря на это женщины как эмпирической, так и контрольной групп недостаточно знают о юридической части вопроса.

Ценностно-смысловое содержание семейных перспектив женщин, переживших насилие, исследовалось с помощью модифицированной методики «Уровень соотношения “ценности-доступности” в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталова. В контрольной и эмпирической группах близкие ценностные ориентации: «дети» ($n_1=8,56$, $n_2=8,30$), «верность» ($n_1=7,62$, $n_2=8,0$), «уважение» ($n_1=7,31$, $n_2=7,95$), «доверие» ($n=7,0$, $n=8,17$).

Степень рассогласования ценности и доступности является важным показателем при анализе ценностно-смыслового содержания семейной перспективы женщин. Рассогласованность раскрывает внутреннюю конфликтность, степень неудовлетворенности текущей жизненной ситуацией, показывает уровень самореализации, внутренней идентичности, гармонии.

Рассогласование между ценностью и доступностью в различных жизненных сферах у женщин, переживших семейное насилие вероятно достигает уровня внутриличностного конфликта, свидетельствующего о чрезвычайной важности сферы «уважение» ($p=0,00$) и «доверие» ($p=0,01$) и недоступности ее достижения. С другой стороны, «сексуальная удовлетворенность» ($p=0,01$), «разнообразное времяпровождение» ($p=0,00$) наоборот более доступны, чем

значимы. Это формирует тенденцию образования «внутренних вакуумов», чувства опустошенности относительно данных ценностей. В эмпирической группе наиболее доступны ценности: «верность» ($n=7,31$), «дети» ($n=7,18$), «сексуальная удовлетворенность» ($n=6,12$), «разнообразное времяпровождение» ($n=6,12$). Менее доступны: «взаимопонимание» ($n=4,56$), «доверие» ($n=4,5$), «материальное благополучие» ($n=4,06$). У женщин, не сталкивавшихся с насилием более доступны ценности: «поддержка» ($n=6,69$), «уважение» ($n=6,60$), «доверие» ($n=6,21$), «верность» ($n=6,17$). Менее доступны «материальное благополучие» ($n=3,95$), «разнообразное времяпровождение» ($n=4,43$). Ценности, помогающие чувствовать комфортность в семье, уверенность в партнере снижены в эмпирической группе.

Так, уважение, доверие, любовь и взаимопонимание, которые позволяют уверенно, спокойно и уютно чувствовать себя в семье у женщин-жертв значительно снижены. Скорее всего, женщины чувствуют себя не способными справиться с ситуацией, испытывают напряжение, не могут легко и спокойно делиться своими переживаниями, подлинными чувствами с партнером.

Методикой изучения эмоциональной оценки будущей семейной жизни в эмпирической и контрольной группах выступил модифицированный вариант методики «Семантический дифференциал времени» О.П. Кузнецова. По результатам математической обработки (U-критерий Манна-Уитни) данных выявлены следующие достоверные различия в группах в описании будущей семейной жизни по шкалам «инертная/бурная» ($p=0,011$), «стандартная/необычная» ($p=0,008$), «несчастливая/счастливая» ($p=0,050$). В группе женщин, переживших насилие, более выраженными оказались полюса «бурная» и «необычная», и менее выражен, чем в контрольной группе полюс «счастливая». Если смотреть на результаты через призму пережитого насилия, можно предполагать, что в жизни женщин оно будет продолжаться, вероятнее всего у них нет достаточных ресурсов для того чтобы изменить ситуацию. Эмоциональное отношение к будущей семейной жизни в эмпирической группе раскрываются через следующие дескрипторы: «оптимистичная» ($m=2,58$), «хорошая» ($m=2,47$), «гармоничная» ($m=2,52$), «счастливая» ($m=2,11$), «стабильная» ($m=2,35$), «долгодлящаяся» ($m=-0,41$), «спокойная» ($m=2,17$), «исходящая от меня» ($m=2,17$).

Факторный анализ показал, что в основе эмоциональной оценки семейного будущего переживших насилие женщин лежит четыре фактора, объясняющих 91,87% дисперсии.

В первый фактор (71,01% объясненной дисперсии) вошли такие шкалы, как «стандартное/необычное» (0,864), «однообразное/разнообразное» (0,857), «скучное/интересное» (0,822), «грустное/веселое» (0,783), «серое/привлекательное» (0,778), «инертное/бурное» (0,768), «несчастное/счастливое» (0,791), «навязанное/исходящее от меня» (0,752), «ненасыщенное/насыщенное» (0,772). Женщины, подвергавшиеся насилию, хотят в будущем находить в своей семье счастливые, оптимистичные моменты. При этом большая загруженность фактора позволяет предположить, что женщины хотят получить «все и сразу». Дескрипторы «бурный» и «необычный» несут двойную нагрузку, и сложно предполагать, какой смысл вкладывали женщины в свой выбор. Второй фактор (8,32% объясненной дисперсии) включил в себя следующие шкалы: «сумбурное/гармоничное» (0,843), «тревожное/спокойное» (0,838), «пессимистичное/оптимистичное» (0,822), «нестабильное/стабильное» (0,812), «плохое/хорошее» (0,727). Данный фактор раскрывает надежды женщин на обретение гармонии, спокойствия, стабильности. В третий фактор (6,55% объясненной дисперсии) вошла шкала «романтическая/реалистичная» (0,944). Данный фактор раскрывает реалистичность жизни женщины-жертвы. В четвертый фактор (6,00% объясненной дисперсии) вошла шкала «долго длящееся/стремительное» (0,965). Вероятно, через дескриптор данного фактора раскрывается состояние краткосрочности всего хорошего в жизни женщины. Анализ результатов факторного анализа позволяет говорить о том, что для женщин, переживших семейное насилие, будущая семейная жизнь представляется как счастливый, хороший, интересный период жизни. При этом, вероятно, женщины ощущают не возможность контролировать события в «бурные», «стремительные» периоды жизни. В целом образ будущей семейной жизни женщин, подвергшихся насилию, положительный. Они находят в своей будущей семейной жизни оптимистичные и радостные моменты. Будущая жизнь представляется им как

счастливым, хорошим, интересным период. Но если мы будем сравнивать эти показатели с показателями женщин, проживающих в семьях без домашнего насилия, то мы увидим, что показатели контрольной группы значительно выше.

Рассмотрим специфику планирования будущей семейной жизни женщин, переживших ситуацию домашнего насилия, с помощью анализа результатов диагностики с помощью психотехнического инструмента жизненного выбора А.Г. Шмелева «Перспектив» и метода мотивационной индукции Ж. Нюттена. Распределение планов на различные периоды будущего женщин, переживших семейное насилие, показало, что ближняя перспектива (0-1 год) имеет 16,66%, средняя перспектива (1-5 лет) 63,33%, дальняя перспектива (свыше 5 лет) 18,15% событий. Процентное соотношение, показывает, что большое количество надежд женщин приходится на период среднего будущего до пяти лет, при этом важно указать, что содержание данного периода в основном связано с нежеланием принимать текущую ситуацию, либо возвращаться в нее. Снижение глубины ближней перспективы семейных перспектив раскрывает кризис, в котором оказались женщины. Можно констатировать, что, отказываясь от решения проблем из сегодняшнего дня, женщины-жертвы стремятся «перепрыгнуть» далеко вперед. С другой стороны, резкое снижение результатов дальней перспективы говорит о нарушении преемственности семейных перспектив.

В ряду жизненных целей «квартира» оказалась ведущей целью для женщин, переживших насилие (66,6%), в то время как в группе респондентов без насилия цели связанные с рождением и воспитанием детей (62,5%) получили большее количество выборов. Реализация задуманных женщинами-жертвами целей позволит ощутить счастье и самосовершенствоваться ради детей (41,6%), семьи (33,3%), собственного комфорта (25%). Возможно, высокая значимость семьи и детей является мотивом сохранения отношений в семье. В то время как в контрольной группе женщин реализация целей приведет к ощущению счастья (54,1%), повысит уровень комфорта (45,8%), позволит самореализовываться и самосовершенствоваться (29,1%), отдохнуть (8,3%). Важно отметить, что в цели, выделенные женщинами, не переживавшими насилие, не вложено смыслов про «развитие детей», «изменение семейной ситуации». Вероятно, женщины данной группы в большей степени ориентируются на получение собственной выгоды от реализации намеченных целей. Определяя препятствия в достижении целей, женщины, пережившие насилие, выделили следующие: семья (родители, муж дети) – 50%, отсутствие денег – 41,6%, страх – 25%, я сама – 25%. Учитывая тот факт, что семья является основным препятствием в реализации женщиной намеченных целей, можно предполагать, изменение возможностей целеполагания у женщин. Семейное насилие приносит в жизнь женщины снижение количества значимых целей, изменение в умении дифференцировать препятствия и помощь в их достижении. Насилие в семье требует от женщины значительных душевных сил, и способом защиты становится вера в случай, высшие силы. Женщина, пережив насилие, меньше стремится к активной жизненной позиции, снижен уровень целеполагания, она не верит в то, что может управлять своими достижениями.

Выводы

1. Ценностно-смысловое содержание семейных перспектив женщин, переживших домашнее насилие, отличается снижением значимости таких ценностей как «уважение», «доверие», «любовь» и «взаимопонимание». Следовательно, женщины не получают достаточной уверенности и надежности в семейной жизни, позволяющих чувствовать психологический комфорт и безопасность в семье.

2. Женщины, пережившие насилие склонны давать более негативные оценки своей будущей семейной жизни по сравнению с теми, у кого нет подобного опыта. Эмоциональное отношение к будущей семейной жизни носит сдержанный характер, сочетающий в себе надежды и тревоги женщин.

3. Специфика планирования будущей семейной жизни женщин-жертв заключается в меньшей глубине и осмысленности, имеет место снижение количества значимых целей, изменения в умении дифференцировать препятствия и помощь в их достижении. Насилие в семье требует от женщины значительных душевных сил, и способом защиты становится вера в случай, высшие силы.

Библиография

1. Жизненные перспективы современных женщин: надежды, опасения, риски // Под ред. Е.А. Ипполитовой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. – 141 с.
2. Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю. Российская семья: стратегии выживания // *Семья в России*. – 2008. – № 3-4.
3. Ипполитова Е.А. Семейные перспективы молодежи в изменяющемся мире: монография / Ипполитова Е.А.-Барнаул: АЗБУКА, 2012.
4. Малкина-Пых И.Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 960 с.
5. Мир в семье – общество без насилия: Сб. материалов междунар. межведом. конф., 9 октября 2007. Екатеринбург, 2008.
6. Платонова Н.М., Платонов Ю.П. Насилие в семье: особенности психологической реабилитации. – СПб.: ООО Речь, 2004. – 154 с.
7. Пискалова М., Синельников А. Анатомия насилия // Социальному работнику о проблеме домашнего насилия / Сост. Е. Потапова, А. Синельников. – М.: Проспект, 2001. – 378 с.
8. Пискалова М., Синельников А. Между молчанием и криком: История, культура, политика и домашнее насилие. М., 2004.
9. Психология поведения жертвы. Справочник практического психолога / Под ред. Малкиной – Пых И.Г. – М.: ООО «Издательство Эксмо», 2005. – 1008 с.
10. Резник Т. Е., Резник Ю. М. Жизненные стратегии личности // *Социол. исслед.* 1995. № 2.
11. Серeda Н. Настолько широко, что даже и не видно // *Насилие и социальные изменения*. – 2000. – №2.
12. Хасина А. Женщина, домашнее насилие, стресс: Каков выход? (О совладании со стрессовой ситуацией женщин, пострадавших от домашнего насилия) // *Насилие и социальные изменения: Теория, Практика, Исследования. Часть II – III*. – М.: Центр АННА, 2000. – С. 168 – 180.
13. Шведова Н.О. О насилии в отношении женщин // *Насилие и социальные изменения*. – 2000. – №2-3.
14. Lens W. Future-time perspective: an individual and a societal approach // *Psychology of future orientation*. Lublin, 1994. P. 23–38.
15. Nuttin J., Lens W. Future time perspective and motivation: theory and research method. Leuven: University Press, 1985. 35 p.
16. Ralnikova I.A., Ippolitova E.A., Gurova O.S., Demina L.D., Kostenko M.A. Invariant Transformation of Human Time Representations at the Stage of Turning Events *Asian Social Science*. 2015. Vol. 11. №. 19. P. 15-21.
17. Zimbardo P.G. A New Perspective on Psychological Time: Theory, Research and Assessment of Individual Differences in Temporal Perspective // Mucciarelli G., Brigati R. *Psychology of Time. Part 2. Special Issues, Theory&Modeli*. – 1998. – №3.

Даренских Светлана Сергеевна. AuthorID: 776340. E-mail: svetla-ss@yandex.ru

Гурова Ольга Сергеевна. AuthorID: 126018. E-mail: o-gurova@bk.ru

Ипполитова Елена Александровна. AuthorID: 332249. E-mail: ippolitovae@bk.ru

Для цитирования: Даренских, С.С. Семейные перспективы женщин, переживших ситуацию домашнего насилия / С.С. Даренских, О.С. Гурова, Е.А. Ипполитова // *Человеческий капитал*. – 2020. – № 8(140). – С. 36-44. doi: 10.25629/HC.2020.08.03

FAMILY PROSPECTS FOR WOMEN AFTER THE SITUATION OF HOME VIOLENCE

DOI: 10.25629/HC.2020.08.03

Darenskikh S.S., Gurova O.S., Ippolitova E.A.

Altai State University

Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the phenomenon of family perspectives of women who have survived domestic violence in the unity of value-semantic, emotional-evaluative and cognitive dimensions. An empirical study is presented in which 44 women aged 20–40 years participated. According to the results of the survey, it was found that 18 of them are characterized by a distorted idea of domestic violence, an underestimation of its consequences, which nevertheless affected the nature of the design of the future in the family sphere. Thus, the peculiarities of the value-semantic foundation of family perspectives are manifested in the fact that the situation of domestic violence contributes to a lesser orientation of women towards achieving respect, trust, mutual understanding, love in relations with a partner. The specifics of the emotional-evaluative measurement of family prospects is demonstrated in the contradictory perception of one's own family future at the same time as full of hope and anxiety. The cognitive dimension is characterized by a reduction in the depth, meaningfulness and target saturation of the perspective in the family sphere, the appearance of an inadequate assessment of the conditions for achieving the desired family happiness, faith in the case, higher powers. In general, the results demonstrate the need for psychological assistance to women victims of domestic violence, aimed at creating conditions for optimizing future family planning.

Keywords: family perspectives, violence, domestic violence, women, survivors of domestic violence.

References

1. Ippolitova E.A. (ed.) *Zhiznennye perspektivy sovremennykh zhenshchin: nadezhdy, opaseniya, riski* [Life prospects of modern women: hopes, fears, risks]. Barnaul: Altai University Publ. 2020. 141 p.
2. Zdravomyslova O. M., Arutyunyan M. Yu. Rossiiskaya sem'ya: strategii vyzhivaniya [Russian family: survival strategies]. *Sem'ya v Rossii*. 2008. No 3-4.
3. Ippolitova E.A. *Semeinye perspektivy molodezhi v izmenyayushchemsya mire* [Family perspectives of youth in a changing world]. Barnaul: AZBUKA, 2012.
4. Malkina-Pykh I.G. *Psikhologicheskaya pomoshch' v krizisnykh situatsiyakh* [Psychological assistance in crisis situations]. Moscow: Eksmo Publ., 2005. 960 p.
5. *Mir v sem'e – obshchestvo bez nasiliya*: Sb. materialov mezhdunar. mezhdvedom. konf., 9 oktyabrya 2007 [*Peace in the family - a society without violence*: Collection of materials of the international. interagency. Conf., October 9, 2007]. Ekaterinburg, 2008.
6. Platonova N.M., Platonov Yu.P. *Nasilie v sem'e: osobennosti psikhologicheskoi reabilitatsii* [Domestic violence: features of psychological rehabilitation]. Saint Petersburg: Rech' Publ., 2004. 154 p.
7. Pisklakova M., Sinel'nikov A. *Anatomiya nasiliya. Sotsial'nomu rabotniku o probleme domashnego nasiliya* [Anatomy of violence. *Social Worker on the issue of domestic violence*]. Potapova E., Sinel'nikov A. (eds.). Moscow: Prospekt, 2001. 378 p.
8. Pisklakova M., Sinel'nikov A. *Mezhd molchaniem i krikom: Istoriya, kul'tura, politika i domashnee nasilie* [Between Silence and Cry: History, Culture, Politics and Domestic Violence]. Moscow, 2004.
9. Malkina-Pykh I.G. (ed.) *Psikhologiya povedeniya zhertvy. Spravochnik prakticheskogo psikhologa* [Psychology of victim behavior. *Handbook of practical psychologist*]. Moscow: Eksmo Publ. 2005. 1008 p.
10. Reznik T. E., Reznik Yu. M. *Zhiznennye strategii lichnosti* [Life strategies of personality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1995. No 2.

11. Sereda N. Nastol'ko shiroko, chto dazhe i ne vidno [So wide that it's not even visible]. *Nasilie i sotsial'nye izmeneniya*. 2000. No 2.

12. Khasina A. Zhenshchina, domashnee nasilie, stress: Kakov vykhod? (O sovladanii so stressovoi situatsiei zhenshchin, postradavshikh ot domashnego nasiliya). *Nasilie i sotsial'nye izmeneniya: teoriya, praktika, issledovaniya* [Woman, domestic violence, stress: What is the way out? (On coping with the stressful situation of women affected by domestic violence). *Violence and social change: theory, practice, research*]. Part II-III. Moscow: Tsentr ANNA, 2000. P. 168–180.

13. Shvedova N.O. O nasilii v otnoshenii zhenshchin. *Nasilie i sotsial'nye izmeneniya* [About violence against women. *Violence and social change*]. 2000. No 2-3.

14. Lens W. Future-time perspective: an individual and a societal approach. *Psychology of future orientation*. Lublin, 1994. P. 23–38.

15. Nuttin J., Lens W. Future time perspective and motivation: theory and research method. Leuven: University Press, 1985. 35 p.

16. Ralnikova I.A., Ippolitova E.A., Gurova O.S., Demina L.D., Kostenko M.A. Invariant Transformation of Human Time Representations at the Stage of Turning Events *Asian Social Science*. 2015. Vol. 11. No 19. P. 15-21.

17. Zimbardo P.G. A New Perspective on Psychological Time: Theory, Research and Assessment of Individual Differences in Temporal Perspective. Mucciarelli G., Brigati R. *Psychology of Time*. Part 2. Special Issues, Theory&Modeli. 1998. No 3.

Darenskikh Svetlana Sergeevna. AuthorID: 776340. E-mail: svetla-ss@yandex.ru

Gurova Olga Sergeevna. AuthorID: 126018. E-mail: o-gurova@bk.ru

Ippolitova Elena Alexandrovna. AuthorID: 332249. E-mail: ippolitovae@bk.ru